Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Ведьма

Сценарий

Пролог

Ранняя весна. Запущенный парк. Голые черные деревья. Пятна серого снега перемежаются пятнами грязи пополам с прошлогодней бурой травой. Над всем этим - странное сиреневое небо. В небе кружит бесчисленная стая черных птиц. Птицы орут хриплыми каркающими голосами: “Пр-росто! Пр-росто! Р-разумно пр-росто! Р-разумно! Пр-росто!”

Среди черных древесных стволов стоит неподвижно в крайне неудобной позе человек - одной ногой в сером сугробе, другой ногой в бурой мочале пополам с грязью. На нем строгий выходной костюм, голова непокрыта, ветер шевелит редкие тонкие волосы.

”Пр-росто! Пр-росто! Р-разумно!” - хрипло орут птицы, кружась в сиреневом небе, а человек плачет. Лицо его выражает ужас и судорожно подергивается, словно бы от приступов невыносимой боли, дрожащие губы шевелятся, и сначала мы не слышим, что он говорит, но затем стонущий голос его пробивается сквозь птичий ор:

- …Господи, что же это?.. Боль какая… Я не могу двинуться!.. Кто-нибудь, помогите!.. Ради бога… Я не могу… Больно, как больно-то!.. Лиза, где же ты?.. Помоги, Лиза! Больно!..

Он стоит неподвижно в нелепой позе, плачет и бормочет, и кружатся и орут черные птицы, и вдруг, покрывая все эти звуки, слышится шепот!

- Ну что ты, Максим? Успокойся, успокойся, я здесь, я с тобой… Где же

вода, наконец? Накапайте пять капель, скорее!

И вот нет ни черных деревьев, ни сиреневого неба с черными птицами, ни застывшей в нелепой позе человеческой фигуры.

В уютном мягком свете ночника мотается из стороны в сторону голова человека на подушке, текут слезы из зажмуренных глаз, и холеная женская рука подносит к шепчущему рту стакан с желтоватой жидкостью.

- Успокойся, Максим… Вот, выпей… Ну выпей же, прошу тебя…

Эпизод 1

Яркий солнечный день. По-весеннему грязная улица. Грязная мостовая с кучами грязного тающего снега по краям, грязные, покрытые лужами тротуары, грязные обшарпанные стены домов, грязные, непромытые окна.

По тротуару, аккуратно обходя лужи, идет немолодая женщина в скромном опрятном пальто, на голове платок, в руке увесистая сумка, из которой высовываются горлышки молочных бутылок и край пшеничного батона.

Впереди спиной к ней стоит грузный человек в мятом берете и поношенном сером плаще - стоит, упершись правой рукой в стену, а левой, судя по оттопыренному локтю, держась за грудь. У ног человека, прямо в луже, валяется битком набитый затерханный портфель.

Женщина минует человека, делает еще несколько шагов и оглядывается. Человек действительно держится за сердце. Плащ расстегнут, мокрое от пота лицо выражает муку, широко раскрытый рот страдальчески заглатывает воздух, глаза полузакрыты.

Женщина нерешительно спрашивает:

- Что с вами? Вам плохо?

Человек, не открывая глаз, дважды медленно кивает. Женщина возвращается к нему, берет под локоть.

- Вам помочь?

Человек опять дважды кивает.

- Пойдемте ко мне, это рядом.

Человек отрывает руку от стены, тычет пальцем себе под ноги. Женщина сначала не понимает, затем догадывается:

- Ах, портфель? Я возьму, не беспокойтесь.

Она берет портфель в ту же руку, в которой несет сумку, осторожно обнимает человека за талию, и они очень медленно, едва переступая ногами, бредут по тротуару.

Идти, действительно, недалеко. Шагах в двадцати женщина толкает дверь, и они вступают в темный вестибюль, мощенный керамической плиткой и до того загаженный, что даже с экрана несет кошками. Из вестибюля вверх ведут столь же загаженные каменные ступени, огороженные ржавыми перилами, но подниматься, к счастью, не надо: женщина тут же сворачивает налево, к двери с облупившейся краской и овальной табличкой, на которой среди черных пятен можно различить цифру “23”.

Женщина достает ключ, открывает дверь и через темную прихожую вводит незнакомца в комнату.

Комната невелика и ее чистота и опрятность составляют разительный контраст с грязью за дверью. Чистенькие светлые обои на стенах, чистенькая светлая занавеска на единственном окне, чистенькое покрывало на узкой кровати, чистенькая белая скатерть на круглом столике. Еще два мягких стула с обитыми ситцем сиденьями и портновский манекен в углу завершают обстановку.

Незнакомец грузно опускается на стул и некоторое время сидит неподвижно, широко расставив ноги и, держась за сердце, глотает воздух. Женщина опускает портфель и сумку на пол, выходит из комнаты и возвращается со стаканом воды.

- Выпейте…

Незнакомец тычет рукой в сторону портфеля.

- Там… - хрипит он. - Валидол…

Женщина садится на корточки и раскрывает портфель. Брови ее недоуменно поднимаются, но она тут же принимается за дело. Из портфеля извлекаются: толстая папка с ботиночными тесемками, нелепый старый счетчик с обрывками провода, новенький игрушечный автомобильчик, еще один новенький игрушечный автомобильчик, пустая бутылка из-под дорогого коньяка, Евангелие на японском языке… Женщина шарит на дне опустевшего портфеля, озабоченное лицо ее вдруг проясняется, и она достает слегка помятый жестяной цилиндрик с валидолом. Торопливо отвинчивает крышку, трясет цилиндрик над ладонью. На ладонь выпадает одна-единственная таблетка. Женщина протягивает ее незнакомцу.

Тот кладет таблетку под язык и некоторое время шумно сопит и облегченно постанывает, не открывая глаз. Женщина укладывает все барахло обратно в портфель, а когда она, застегнув (не без труда) замок, поднимает глаза на незнакомца, он уже вытирает ладонью мокрое лицо и благожелательно смотрит на нее сверху вниз.

- Вот ведь как бывает, - произносит он хрипло.

- Бывает… - соглашается женщина, поднимается и садится на стул напротив незнакомца. - Вам лучше?

- Лучше. Совсем хорошо.

- Ну, я рада.

- Спасибо.

Они смотрят друг на друга.

- Меня зовут Оскар, - сообщает незнакомец.

- А меня - Марта.

- Марта… Да, действительно, Марта. Вот, Марта, ходишь так, ходишь, а потом в одночасье брык! - и пой отходную.

- Надо беречься.

- Надо-то надо… А у вас как?

- Что - у меня?

- У вас как сердце? Не шалит?

- Нет, сердце не шалит.

- А что?

- Что - что?

- Ну, с сердцем в порядке у вас, а что неладно? Ведь что-нибудь да неладно, а, Марта?

Марта, отведя взгляд, сухо произносит:

- У каждого свои болячки.

- Да-да-да, это истинная правда. Извините. Значит, последствия все же ощущаются?

Марта с изумлением смотрит на него.

- Какие еще последствия?

- Ну как же… Тогда, с автобусом-то…

Марта встает, глядит на Оскара почти с ужасом.

- А вы-то откуда?.. - шепотом говорит она.

- Да чего там, это же никакой не секрет…

Оскар сует руку за пазуху и извлекает пухлую записную книжку, перетянутую резинкой. Снимает резинку и принимается листать засаленные странички, бормоча себе под нос:

- Никакой не секрет… Какой же это секрет… Это всем известно… Вот!

Он читает громко и раздельно:

- Улица Сапожников, дом шестнадцать, квартира двадцать три.

В июне семьдесят первого года… одна тысяча девятьсот семьдесят первого года… дорожная катастрофа, повреждение черепной коробки, перелом голени левой ноги, погиб муж. Временная амнезия, временная слепота…

Он захлопывает книжку и, держа ее между ладонями, смотрит на Марту снизу вверх.

- Ведь верно?

Марта молча кивает, не сводя с него завороженного взгляда.

- А как сейчас?

Марта с трудом разлепляет губы.

- Что - сейчас?

- Хромаете?

- Немного… Когда сыро…

- А когда сухо?

- Н-нет как будто…

- А память?

- Н-ничего…

- Предчувствия бывают?

- Что?

- Ну, предчувствия, видения всякие там… Бывают?

- Н-нет… Послушайте, зачем вам это?

- Что именно?

Марта молча показывает на записную книжку.

- Ах, это?.. - Оскар тоже смотрит на записную книжку, надевает на нее резинку и засовывает за пазуху. - Это, знаете ли… Это, Марта, такое дело… Никогда не знаешь, когда может пригодиться. - Он встает. - Ну, мне пора. Спасибо, Марта.

Я, знаете ли, очень рад, что вы не хромаете…

- Послушайте, - нетвердо произносит Марта. - Я не понимаю.

Если вы это насчет налогов, то я, по-моему, ничего не должна. А если должна, то вы так и скажите…

Оскар смотрит на нее, затем поворачивается и смотрит на манекен.

- Ага, - говорит он. - Это очень кстати. Понимаете, Марта, у меня пуговица на плаще оторвалась. Видите?

Он показывает. Действительно, на месте одной из пуговиц торчат обрывки ниток. Марта, словно бы во сне, отходит к столу, извлекает из ящика коробку с пуговицами и принимается в ней шарить, время от времени поглядывая на пуговицы на плаще Оскара. Находит подходящую, показывает Оскару.

- Годится?

- Думаю, да, - отвечает Оскар.

Марта вдевает нитку в иголку, присаживается на корточки перед Оскаром и начинает пришивать пуговицу. Он смотрит на нее сверху вниз. Закончив, она перекусывает нитку и встает.

- Пожалуйста…

Оскар несколько раз дергает пуговицу, говорит с уважением:

- Крепко, черт возьми. Хорошо.

Затем застегивается, берет портфель и идет к двери. На пороге

останавливается и произносит через плечо:

- Это просто отлично, Марта, что у вас сердце не шалит. А вот у меня оно такой шалун, что не приведи бог…

Дверь за ним захлопывается.

Эпизод 2

На экране крупным планом лицо, которое мы уже видели в прологе. Но теперь оно выражает не страх и страдание, а уверенность и торжество, и человек этот теперь не стонет и бормочет, а говорит отчетливо и внушительно.

- …Что же являет собой так называемое человечество в свете идей танатизма? Я позволю себе прибегнуть к примеру, нарисовать образ, за который заранее прошу прощения у коллег, гостей и особенно у дам. Представьте себе дождевого червя, который слепо продвигается в толще плодородной почвы, пропускает почву через себя, через свой пищеварительный аппарат, и оставляет за собой бесконечную клейкую нить экскрементов. Так и человечество единым слепым механизмом упорно и инстинктивно движется сквозь пространственно-временной континуум, заполненный грубой материей, пропускает материю через пищеварительные жернова своей организации, оставляя за собой отбросы в виде технологического лома, отвергнутых научных и философских идей и так называемых памятников культуры - в стихах и прозе, в музыке и живописи, в скульптуре и архитектуре. Для этого слепого пожирателя материи мириады составляющих его жизней, мириады сознаний, мириады мириад эмоций - ничто. В лучшем случае - смазка для его движущихся деталей, в худшем - тормозящий песок в его сочленениях. Куда движется человечество? А куда ползет дождевой червь? Танатист отвергает этот вопрос, объявляет его лишенным смысла. Танатисту безразличны и цели, и движение человечества. Индивидуальность, комплекс сознания и эмоций как уникальная сущность - вот что является альфой и омегой танатистского мировоззрения. Этот комплекс возникает с рождением человека, формируется в муках жизненного опыта, закаляется в метаниях между погоней за наслаждениями и бегством от боли, а затем наступает великий танатос, и этот комплекс освобождается из телесной оболочки, из тесной тюрьмы косной материи, из оков непреоборимых законов материальной

природы, как выползает птенец из опостылевшей скорлупы, и свободный, всемогущий, всеведущий заполняет собой пространство над всеми вселенными. Смерть - вот истинная цель жизни. Человек унаследовал от своих бессмысленных предков инстинкт самосохранения, страх смерти. Что ж, без этого инстинкта, без этого спасительного страха не было бы эволюции, не появился бы человек. Но вот человек появился, и как исцеленный отбрасывает ставшие уже ненужными, уже мешающие ему костыли, так и созревшее сознание должно отбросить страх смерти. Для танатиста жизнь - всего лишь мучительная, но необходимая школа смерти. Заканчивая выступление, я вновь повторяю, дамы и господа: отбросьте страх смерти, ибо самое интересное, прекрасное и вечное ждет каждого из нас там, за порогом танатоса. Благодарю за внимание.

Пока продолжается эта речь, изображение отодвигается, и мы видим, что оно проецируется на экране великолепного телевизионного комбайна, встроенного между двумя блоками книжных полок. Объектив медленно движется по кругу, обозревая кабинет современного преуспевающего ученого. Плотные ряды книг на разных языках. Камин с грудой раскаленных углей. На полке камина - массивный белый череп, по сторонам его возвышаются два семисвечных подсвечника с горящими свечами. Французское окно от пола до потолка (за окном непроглядная темнота). Огромный стол, на столе - телефон с клавишным набором, несколько журналов, роскошный бювар. На стене хорошая копия “Ржи” Ивана Шишкина в нетолстой лакированной раме.

Посередине кабинета, расположившись в креслах, смотрят и слушают четверо: двое мужчин в вечерних костюмах (один из них тот, кто выступает по телевидению), красивая полная дама лет тридцати в вечернем туалете и худощавый большеглазый мальчик в матроске и коротких штанишках.

- Благодарю за внимание, - произносит мужчина на телеэкране и исчезает.

На его месте возникает миловидная дикторша.

- Мы передавали, - мягким вкрадчивым голосом говорит она, - выступление доктора философии, члена Национальной академии наук профессора Максима Акромиса на церемонии вручения ему

международной премии Инкварта за монографию “Танатос как цель психобиоза”. А сейчас…

Философ Максим Акромис щелкает дистанционным переключателем, и экран телевизора гаснет.

- Вот и все, - говорит Максим.

- Ты был великолепен, Максик, - произносит дама.

Максим, перегнувшись через подлокотник, целует ей руку.

- Спасибо, Лиза.

Мальчик спрыгивает с кресла, подбегает к Максиму и тормошит его за колено.

- А что было потом, папа? Что было дальше?

- А дальше, сынок, был банкет. Много тостов, много вина, много невкусной еды. И этот швед Стремберг так набрался, что начал гоняться за официантками…

- Максим! - укоризненно произносит Лиза. - При ребенке…

Мальчик заливисто хохочет.

- И он их догнал?

Максим поворачивается ко второму мужчине.

- А ты что скажешь, Эрнст?

Тот пожимает плечами.

- Философия - это не по моей части. А впрочем, выглядел ты внушительно. Приступов у тебя там не было?

- Прагматик несчастный, - ворчит Максим. - Не было приступов, не было…

- Папа, он их догнал? - пристает мальчик.

- Петер! - сердито говорит Лиза. - Не болтай глупостей!

- Это не глупости… Папа! Догнал он их?

- Петер, сейчас же спать!

- Догнал, догнал, - говорит Максим. - Иди спать, сынок. Уже поздно.

- Ты завтра доскажешь?

- Непременно. Спокойной ночи.

Петер целует отца в висок, кланяется Эрнсту.

- До свидания.

- Спи спокойно, Петер, - серьезно и как-то печально отзывается Эрнст.

Лиза, придерживая Петера за плечи, выводит его из кабинета. На пороге она ослепительно улыбается мужчинам.

- Я вас оставлю, но не прощаюсь…

- Ступай, ступай… - благодушно говорит Максим.

Дверь за нею закрывается.

- Выпьем? - спрашивает Максим.

- Давай, - без энтузиазма отзывается Эрнст.

- Ты что будешь?

- А, все равно… Водки дай, что ли… с лимоном…

Максим тяжело поднимается, идет к бару возле телекомбайна. Разливая водку по стаканам, произносит через плечо:

- Что-то ты сегодня мрачный. Что-нибудь случилось?

Эрнст молчит. Максим передает ему стакан и валится в кресло.

- Вот так-то, дружище…

Эрнст поднимает стакан.

- За твои пятьдесят лет, - говорит он. - За твое лауреатство. Гамбэй!

- Гамбэй.

Они отхлебывают из стаканов, молча глядя на затухающие угли в камине.

- Да, кстати, - говорит Максим. - А как там мои анализы? Готовы?

- Готовы, - отвечает Эрнст.

Они опять молчат. Максим искоса поглядывает на Эрнста.

- Видишь ли, в чем дело… - произносит Эрнст, глядя в камин. - Я, конечно, в философии не очень… Но это хорошо, что я твое выступление выслушал. Возможно, с такими взглядами тебе будет легче…

Лицо Максима каменеет. Он смотрит, не отрываясь, на Эрнста. Тот, наконец, поднимает на него глаза.

- У тебя рак. Печень. И метастазы в легких.

Пауза.

- Короче говоря, Максим, жить тебе осталось от силы месяца два-три, - говорит Эрнст и залпом допивает свой стакан.

- Так, - произносит Максим и тоже залпом допивает свою порцию. - Так, значит…

Он берет стакан из руки Эрнста, идет к бару и наполняет оба стакана. Говорит, не оборачиваясь:

- Это будет мучительно?

- Да. Это будет очень неприятно.

Максим возвращается, вручает Эрнсту стакан.

- А ты не мог бы дать мне что-нибудь… или укол… чтобы не мучиться?

- Нет. Я католик, ты знаешь. Отнять жизнь волен один лишь Бог…

- Понятно.

Пауза.

- Это точно? - спрашивает Максим.

- Рак? Или сроки?

- Да.

- Точно. Сам все проверял. Дважды.

Пауза. Эрнст встает, ставит стакан на стол.

- Утешать не умею…

- Не нуждаюсь, - резко прерывает Максим.

- Постараюсь облегчить, как могу…

- Спасибо.

Эрнст уходит, не прощаясь, плотно и тихо прикрывает за собой дверь. Максим долго сидит неподвижно, уставившись в пространство, сжимая в руке стакан.

Входит Лиза. Оглядывается.

- А где Эрнст?

- Он… Его вызвали. - Максим прокашливается. - Из больницы. Позвонили и вызвали. Что-то срочное… Ты иди, Лиза. Я немного подумаю.

Интермедия

Улица. Поздний вечер. Большими хлопьями валит снег и тут же тает на заслякощенной мостовой. Мутно светят редкие фонари.

Через улицу переходит, горбясь под падающим снегом, огромный тучный молодчик - то ли битник, то ли хиппи, одном словом, забулдыга в распахнутой дубленке с поднятым воротником поверх потрепанного джинсового костюма. Длинные всклокоченные волосы, всклокоченная борода, на носу косо сидят очки в мощной роговой оправе.

Перейдя улицу, забулдыга втискивается в телефонную будку и принимается шарить по карманам в поисках медяка. За стеклами будки валит снег, а по стеклам стекают, тускло светясь от близкого фонаря, тяжелые капли.

Эпизод 3

Кабинет Максима. Потушены свечи, погас камин. Горит только настольная лампа, отбрасывающая на поверхность стола яркий световой круг, все остальное погружено в полутьму, зато стало видно за французским окном, как падает густой снег на мокрую землю, и видны за пеленой снега черные мокрые стволы деревьев запущенного парка.

Максим сидит за столом, положив руки на подлокотники, закинув голову на спинку кресла. Глаза его закрыты, брови трагически задраны.

Телефонный звонок. Второй. Третий. Максим машинальным движением берет трубку и подносит к уху.

- Да.

- Профессор Акромис? - осведомляется сиплый голос. Максим молчит. - Алло, это профессор Акромис?

- Да.

- Алло, профессор! Вы, говорят, смертельно больны…

Максим выпрямляется в кресле, широко раскрывает глаза.

- Кто это говорит?

- Это все равно. Слушайте, профессор. У вас есть шанс.

- Не понимаю.

- А чего тут понимать? Шанс у вас есть, говорю. Вы меня слышите?

- Да-да…

- Вот. У нас в городе есть ведьма. Целительница. От всех, так сказать, скорбей. Хотите испробовать?

- Послушайте, это что - такая шутка?

- Да какая там шутка… Вполне серьезно. Есть ведьма-исцелительница, и это ваш единственный и последний шанс…

- Послушайте, как вас там… Это неумно… и жестоко, наконец… Стыдитесь!

- Ч-черт вас… Короче говоря, если надумаете, позвоните по телефону двадцать два тринадцать ноль один. Запомнили? Лучше запишите: двадцать два тринадцать ноль один. В любое время дня и ночи.

И чем скорее, тем лучше. Двадцать два…

Максим бросает трубку. Некоторое время сидит неподвижно, глядя на телефон. Лицо его морщится, как от невыносимой боли. Он оскорблен, он негодует, он жалуется - молча, беспомощно, безнадежно.

Он встает, распахивает французское окно и выходит в парк, под падающий снег. В тот самый парк, в котором видел себя в кошмарном сне. Только вместо черных птиц - мириады снежных хлопьев, а вместо хриплого грая слышатся шелест шин и сигналы проносящихся где-то рядом автомобилей.

Он тяжело идет между черными мокрыми стволами, оставляя черные следы на эфемерной пелене снега на земле, уходит все дальше от дома, и вот уже возникают за снежной завесой низкая черная ограда из железных

прутьев, и облупившаяся стена без окон, и груда каких-то старых ящиков и бочек у стены. Максим садится на ящик, сгорбившись, уперев локти в колени и сжав голову между ладонями. Так он сидит, а снег падает и падает на его непокрытую голову, на плечи, обтянутые тонким дорогим сукном, и расплываются в снегу черные пятна вокруг его домашних туфель.

Вдруг он вскакивает и быстро, почти бегом направляется обратно к дому. Вбегает в кабинет, не закрыв за собой створку окна, кидается к столу и, не садясь, торопливо пишет в бювар: 221301. Затем медленно возвращается к окну, закрывает плотно створку и так же медленно опускается в кресло у стола.

Помедлив секунду, снимает трубку телефона и, щелкая клавишами, набирает номер. Усталый голос произносит:

- Слушаю вас…

И сейчас же слышится легкий скрип двери и раздается голос Лизы:

- Максим, я ложусь спать. Тебе не принести кофе?

Он поспешно кладет трубку.

- Нет-нет, спасибо… Мне ничего не надо.

- Тогда спокойной ночи. Не забудь принять лекарство.

- Спокойной ночи, миленькая…

Дверь тихо закрывается. Максим, все еще глядя на дверь, снова берет трубку. Торопливо нащелкивает номер.

- Слушаю вас… - монотонно произносит усталый голос.

- Говорит… говорит Акромис.

- Я так и понял, профессор. Надумали?

- Да…

- Разумно. Приготовьте деньги.

- Что?

- Деньги приготовьте. Деньги. Исцеление стоит денег.

- Понимаю. Много?

- Ровно тысяча.

- Хорошо, понимаю.

- Нет. Это вам кажется. Приготовьте деньги и ждите меня.

- Когда?

- С минуты на минуту,

- Простите… С кем я все-таки говорю?

- Посредник я. Маленький человек. Посредник. В общем, ждите.

Раздаются короткие гудки. Максим кладет трубку.

- Боже мой! - произносит он вдруг с выражением брезгливого удивления, словно увидел отвратительного гада.

Он встает, проходит по кабинету и останавливается перед французским окном. Снег перестал падать, и отчетливо, словно на картине Брейгеля, рисуются на чистом белом фоне черные стволы деревьев, черная решетка ограды, черная стена постройки, у которой он полчаса назад сидел на старом ящике.

Вдруг Максим настораживается, приникает лицом к стеклу и заслоняется ладонью от света лампы. Кто-то черный и грузный лезет через ограду, застревает на несколько секунд, тяжело переваливается и направляется между деревьями к дому. Косолапо ступает, то и дело оскользаясь, неловко размахивая какой-то черной ношей, растопыривая руки, чтобы сохранить равновесие, оставляя за собой черные следы, идет напрямик к французскому окну, за которым стоит Максим.

Максим отступает на несколько шагов, а тот уже у окна и знаками просит открыть и впустить.

Максим подходит к окну и открывает. Перед ним стоит грузный человек в мокром мятом берете и мокром сером плаще, с битком набитым стареньким портфелем в руке.

- Грязь ужасная, - сообщает он. - Но вы не беспокойтесь, я ботинки здесь же сниму, у порога, так что не наслежу у вас… Здесь к тому же и ковер еще…

Он протискивается мимо изумленного и негодующего Максима, ступает в кабинет и тут же, держась за косяк, принимается стаскивать промокшие ботинки.

- Да, - говорит он, кряхтя, - весна, ничего не попишешь…

- Позвольте, - произносит Максим, повысив голос. - Кто вы такой, черт подери?

- Как это - кто? - удивленно отзывается незнакомец и тут же огорченно добавляет, оглядывая полу плаща: - Ну вот, извольте, плащ порвал… Понаставили изгородей ни к селу ни к городу, ступить некуда…

- Я вас спрашиваю, кто вы такой и что вам здесь нужно? - грозно осведомляется Максим, все еще держа створку открытой.

Незнакомец уставляется на него немигающими глазами.

- Странно даже… Посредник я. Посредник. Мы же с вами только что говорили… Не помните?

Максим проводит ладонью по лбу.

- Простите… Просто я не ожидал… Как-то вы… Зачем же вы через ограду, по грязи…

- Ну а как же? Через парадное к вам ломиться? Ведь супруга ваша пока ничего не знает…

- Нет.

- Вот видите… А вдруг бы я с парадного позвонил и она бы мне открыла? Кто такой, зачем, то-се, профессор устал, зайдите завтра, по какому вы делу… Это нам ни к чему, ведь я правильно соображаю?

- Да, пожалуй…

- Не “пожалуй”, а правильно. Пришлось бы объяснять, да это бы еще ничего, а разговор у нас будет свойства совсем уже деликатного, не для ее ушей, я это вам сразу говорю…

На протяжении этого разговора Максим закрывает окно и отходит к столу, а посредник ставит портфель на пол рядом с ботинками, стаскивает плащ и берет, бросает их на портфель и идет по кабинету, разглядывая полки с книгами.

- Деликатный, деликатный будет разговорчик… - продолжает он. - Я бы даже сказал - шокирующий… Так что пришлось мне через ограду и по грязи… и плащ вот порвал… Что книг-то, книг-то! Все сами написали?

- Нет, - сухо отзывается Максим.

- Ну да, ну да, самому столько в три жизни не написать…

Посредник останавливается и, склонив голову набок, читает заголовок на корешке одной из книг: “Подъем и падение Третьего рейха”… Но уж эта-то наверняка ваша!

- Нет, не моя.

- Ага… Ну правильно. Здесь и фамилия значится - Ширер. Немец, видно… А вот тут “Утро магов”… и еще “Эзо… эзотерические аспекты демонологии”…

- Послушайте, господин посредник…

- Оскар меня зовут, пожалуйста.

- Хорошо. Пусть Оскар. Послушайте, Оскар, может быть, сразу к делу?

- С удовольствием!

Оскар очень живо подходит к столу и садится в кресло для посетителей. Максим тоже садится. Они смотрят друг на друга через стол - один угрюмо и подавленно, другой с сумасшедшим весельем в прозрачных глазах.

- Так вот, - начинает Максим. - Вы звонили мне…

- Никак нет, я вам не звонил. Это вы мне звонили.

Пауза.

- Ну, как угодно, - говорит Максим. - Это не важно. Так или иначе, но мне было дано понять, что у меня есть шанс на исцеление… на излечение. Я слушаю вас.

Оскар усаживается поудобнее, закидывает ногу на ногу. На носке задранной ноги зияет дыра, сквозь которую высовываются два пальца.

- Значит, так, - говорит он. - Имеется ведьма. Ясновидение, приворот и все прочее. Для нас с вами главное, что она целительница. Понимаете? Целительница. Есть у нее такая сила.

- И как же она исцеляет? - криво усмехаясь, осведомляется Максим. - Травки, заговоры?..

- А, в том-то вся и штука! Какие там травки… Она исцеляет через плотскую близость. Грубо говоря… - Оскар понижает голос и мельком оглядывается на дверь. - Грубо говоря, вы переспите с нею, и через недельку-другую от вашего рака следа не останется.

- Ну, знаете… - с отвращением произносит Максим.

- Знаю, знаю, как же…

- Это либо дурная и грубая шутка…

- Либо?

- Либо вы отвратительный шарлатан и негодяй. Сводник.

- Ха!

- Вас надо…

Пауза.

- Имейте в виду, профессор! - веско говорит Оскар. - Это ваш единственный шанс. А ведь жить-то как хорошо!

- Ладно, - устало произносит Максим. - В сущности, вы правы. У меня просто нет иного выхода.

- Во-во. Деньги вы приготовили?

- Да.

- Тысячу?

- Да. Это вам?

- “Зачем мне деньги? Сегодня утром у меня опять шла кровь из горла”. Это я цитирую. Джек Лондон. Да, деньги мне. Ей о деньгах вообще говорить не рекомендую. Она порядочная женщина. Давайте.

Максим достает из стола банкноту.

- У меня только банковский билет, - произносит он со значением. - Купюр помельче не оказалось.

- И прекрасно. У меня тоже. Давайте сюда.

Максим отстраняет банкноту от протянутой руки Оскара.

- А собственно, какие у меня гарантии? - произносит он.

- А не нужно вам никаких гарантий, - отвечает Оскар. - Вы сами себе гарантия. Вы отправитесь к ней и будете просить, чтобы она вас спасла. Удастся - вы спасены.

Не удастся…

- Ага, значит, может и не удаться?

- Ну, это вам лучше знать. У вас как с этим делом - все в порядке?

- С каким делом?

- Ну, с темпераментом… способностями… Вы не импотент, надеюсь?

- Послушайте, Оскар!

- Вот то-то и оно. А вы о гарантиях… Тут другое главное. А впрочем, для вас это, может быть, и не главное. В общем, как я вам уже сказал, кажется, она - исключительно порядочная женщина. Странная, удивительная, но очень тонкая и чуткая женщина. Кого попало она к себе в постель не пустит, уж будьте уверены. Так что это уже от вас самого зависит. Поняли?

- Понял.

- Тогда давайте сюда деньги, что вы дурака валяете?

Максим протягивает банкноту. Оскар разглядывает ее на свет, затем достает из кармана крошечные маникюрные ножницы и разрезает банкноту пополам. Одну половину прячет за пазуху, другую протягивает обратно Максиму.

- Возьмите. Отдадите, когда и если исцелитесь.

Максим молча берет половинку и вертит в пальцах, не спуская глаз с Оскара.

- Вот так, - говорит Оскар удовлетворенно. - С этим, значит, у нас все в порядке. Адрес такой: улица Сапожников, дом шестнадцать, квартира двадцать три. Зовут ее Марта. Марта… впрочем, фамилия ее вам не нужна. Завтра после девяти вечера. Еще раз предупреждаю: будьте предельно… как это… кавалерственны, что ли. Она хоть и портниха, но ведьма, а значит - дама.

У меня все.

Он встает и идет к своим вещам, надевает плащ и напяливает на голову берет. Задумчиво глядит на мокрые ботинки, затем в окно.

- Хм… Знаете что, профессор, выпустите-ка вы меня через парадное, не бойтесь, я не наслежу…

Он берет свои промокшие ботинки и портфель и на цыпочках, балансируя руками, направляется к двери кабинета. Максим молча следует за ним.

Эпизод 4

Поздний вечер. Чистенькая, опрятная комната Марты. Марта готовится ко сну - расстилает постель. Видно, что она только что из душа: она в халатике и шлепанцах на босу ногу, лицо разрумянилось, на голове - огромный тюрбан из махрового полотенца. Покончив с постелью, она ставит на стол зеркало и баночки с кремами, садится и едва лишь принимается за свое лицо, как в прихожей раздается звонок. Она встает и выходит в прихожую.

- Кто там?

Мужской голос отзывается глухо:

- Извините, пожалуйста. Это Марта?

- Да. А вы кто?

- Я… Меня зовут Максим. У меня крайняя нужда поговорить с вами. Если вы ничего не имеете против, конечно…

- Максим… Не знаю я никакого Максима. Что вам нужно?

- Я не могу так… через дверь. Но только крайне важно, вы мне поверьте…

Марта щелкает замком и приоткрывает дверь. За дверью возвышается Максим, невероятно элегантный, в длинном обтягивающем пальто, в левой руке модная шляпа и наводящие изумление перчатки, на шее умопомрачительное кашне из восточных стран. Он слегка кланяется и

произносит:

- Здравствуйте, Марта. Вы мне позволите? На несколько минут.

- По… пожалуйста… Заходите…

Марта, придерживая халатик у шеи, отступает от порога. Максим вдвигается в прихожую.

- Право, мне очень неловко… Поверьте, если бы не крайняя необходимость…

Очевидная его робость и растерянность успокаивают Марту.

- Входите, входите, - говорит она, захлопывает дверь и проходит в комнату.

Максим входит за нею и украдкой осматривается. Марта поспешно убирает со стола коробочки с кремами и набрасывает откинутый край одеяла на подушку.

- Вы извините, я не ждала…

- Напротив, это вы извините…

- Я уже спать собралась… и наряд на мне не для гостей…

- Поверьте, это вам идет…

- Ну, уж вы скажете… Да вы садитесь.

- Может быть, позволите раздеться?

- Да зачем же вам раздеваться, беспокоиться? Садитесь как есть, ничего тут такого особенного…

Максим садится на стул, держа шляпу и перчатки на коленях. Марта присаживается на край постели.

Пауза. Марта, деликатно кашлянув, произносит:

- Так чего вы хотели, извините?

Максим решается.

- Это очень трудно… - говорит он, запинаясь. - И неделикатно, и я бы никогда… Вы сочтете это за бред, за безумие… Но я даю честное слово! Только вы одна во всем свете можете меня спасти. Если вы не согласитесь, я погибну… просто умру, и все… Это не наглость, не самонадеянность… я понимаю, явиться вот так к порядочной женщине и просить… Но у меня нет выхода! Сжальтесь надо мной, спасите меня, а уж я - все, что вам будет угодно… Только спасите…

Говоря, он все больше наклоняется вперед, к ней, а она, изумленно и испуганно глядя на него, все дальше отклоняется назад, от него. Наконец она вскакивает и протягивает руку, словно отталкивая его.

- Что это вы… как вас…

- Максим! Меня зовут Максим! Погодите, Марта, не отказывайте сразу…

- Нет уж, это вы погодите. Ишь как разлетелся… Впервые меня видит, я его в первый раз вижу, и пожалуйста, спаси его, погибнет он…

- Марта, поверьте, я говорю правду! Жалости, только жалости прошу!..

- Да что вам, Максим, молоденьких мало? Такой солидный, самостоятельный… Что это вас вдруг на старуху потянуло?

- При чем здесь молоденькие? Только вы меня можете спасти, а не какие-то там молоденькие!.. В ваших руках моя жизнь, вы же это знаете, у вас же есть сердце… или у вас нет сердца?

- Ах, сердце? - Глаза Марты

сужаются. - А вы уж не из той ли породы, что давеча приходил? Кругломордый такой…

- Какой кругломордый?

- Тоже все насчет сердца интересовался! А нога вас хромая не интересует?

- Я не понимаю… При чем здесь нога?

- И понимать нечего. Мне сорок лет, я вам не девочка - в разные ваши игры со мною играть. Уж если мне понадобится фигура в брюках, я сама найду, без всяких ваших таких подходцев…

- Марта, Марта, как вы можете?..

- Вот что, друг мой. Ступайте-ка вы отсюда. Я за день намоталась, устала, мне спать пора. Ступайте, ступайте. Ответа не будет, как говорится.

Максим потерянно встает, шляпа и перчатки падают на пол. Марта поднимает и подает их ему. Он берет, не спуская с нее глаз, и она со смятением видит в его глазах слезы.

- Ступайте же… - шепотом произносит она.

- Да, - говорит он. - Я пойду. Я сейчас уйду. А вам грех. Я же не какой-нибудь особенный урод… могли бы глаза закрыть, если так уж противен… Безжалостная вы. Знаете, как я теперь буду мучиться, и радуетесь…

Он неловко взмахивает рукой и выходит. Слышно, как в прихожей открывается и захлопывается дверь.

Марта опускается на стул и сидит, зажав ладони между коленями. Затем придвигает зеркало, всматривается в свое лицо. Начинает медленно, одну за другой, расстегивать пуговицы халата. На губах ее стынет неуверенная улыбка.

Эпизод 5

Разочарованный и отчаявшийся Максим бредет по ночному городу куда глаза глядят. Идет, шлепая по черным лужам, спотыкаясь на выбоинах в тротуаре, слепо продираясь через группки подозрительных юнцов, толпящихся у подъездов и подворотен.

В конце концов его заносит в какие-то трущобы: уличных фонарей почти

нет, двери многих домов заколочены досками, стекла в окнах выбиты. У входа в полуподвальное ночное заведение, откуда на мокрый щербатый тротуар падают тусклые квадраты света и доносятся звуки злокачественной музыки, дорогу Максиму преграждает огромный тучный молодчик - то ли битник, то ли хиппи, одним словом, забулдыга в расстегнутой дубленке с поднятым воротником поверх потрепанного джинсового костюма. Обнимая левой рукой за плечи тщедушное существо женского пола, забулдыга приближает волосатую физиономию к лицу Максима и, жутко глядя очками в мощной роговой оправе, сипит:

- Дай десятку!

Максим молчит. Забулдыга огромной дланью берет его за лацканы пальто и сипло повторяет:

- Дай десятку! Не видишь, кисочка выпить хочет!

- Раскошеливайся, шляпа! - пищит кисочка.

Максим молча лезет в карман.

В этот момент дверь кабака распахивается, и свет падает на его лицо.

- Ба-а-а! - неожиданным басом гремит забулдыга. - Да никак это профессор? Профессор, вы?

Выскочивший из кабака юркий человечек деловито произносит:

- Хухрика наколол? Возьми в долю, Тарантул…

- Отзынь! - Тарантул отталкивает человечка так, что тот стукается о стену. - Это свой… Какими вы здесь судьбами, профессор?

- Простите, я…

- Не узнаете? И не надо. Деньги у вас есть?

- Есть.

- Тогда пойдемте, угостите нас. У нас здесь весело. Одно плохо: за

веселье приходится платить. Пока.

Он подхватывает Максима под руку, и они втроем скатываются по склизким ступеням в полуподвал.

В обширном, с низким потолком помещении кабака зверски накурено, гремит отвратительная музыка, на дощатой эстраде трое обритых наголо молодых людей в брезентовых бесформенных портках, голые по пояс и босые, извиваясь, надрываясь, шлепая себя по голым бокам голыми локтями, орут песню - то ли на иностранном языке, то ли состоящую из междометий. Несколько пар кривляются на площадке перед эстрадой. За столиками сидят, беспрерывно курят, пьют, болтают или даже спят мальчики и девочки, мужчины и женщины, есть несколько стариков и старух. Все одеты весьма разнообразно - от живописных лохмотьев до скромных плащей, курток и пальто.

Тарантул уверенно протаскивает слегка обалдевшего Максима и свою кисочку к столику в полутемном углу. Там в одиночестве спит, положив голову на столешницу, молодой бритый мужчина в новенькой хромовой куртке и таких же штанах, заправленных в высокие сапоги. На груди у мужчины Железный крест, на полу рядом с ним валяется железная каска вермахтовского образца.

Тарантул глядит на него, произносит раздумчиво:

- Наладить его отсюда, что ли?

- А, пусть себе спит, - отзывается кисочка и садится.

- Присаживайтесь, - говорит Тарантул Максиму. - И давайте деньги. Я быстро.

Максим дает Тарантулу несколько бумажек и садится за столик. Тарантул исчезает в дыму. Кисочка с любопытством приглядывается к Максиму.

- Вы действительно профессор? - спрашивает она.

- Да.

- Как странно.

- Что именно?

- Тарантул ненавидит профессоров. И я тоже. И многие здесь.

Вы не физик?

- Нет.

- Гуманитарий?

- Я профессор философии.

Бритый мужчина, не просыпаясь, гогочет. Максим и кисочка смотрят на него.

- Совсем плохо, - говорит кисочка.

- Что - плохо?

- Да что вы профессор философии. А впрочем, черт с ним совсем. Какая разница, действительно…

Тарантул возвращается, грохает на стол бутылку и расставляет бумажные стаканчики. Валится на стул, разливает.

- Ну, за красотку Танатос! - провозглашает он.

- Постой… Танатос - ведь это смерть, да?

- Ага!

- Сам целуйся с этой красоткой, - произносит кисочка с достоинством. - А я так выпью за жизнь.

Тарантул хохочет, затем обращается к Максиму:

- Вы, конечно, не помните меня. А я был вашим студентом. Лет десять назад. Вышибли.

- Нет, не помню, - отзывается Максим.

- Еще бы… Посмел иметь свое мнение! Философия… Сейчас и вспомнить стыдно - этакое дерьмо. Но ведь доходное, ежели повезет, а?

Максим поднимает на него мученические глаза.

- Что вы имеете в виду?

- Не что, а кого. Вас, профессор, вас! Ну, эрго бибамус!

Залпом выпивает и наливает снова. Максим, поколебавшись, тоже выпивает залпом, морщится.

- Экая дрянь…

- Другого здесь не держат. Зато крепко. О чем бишь мы… Да! Кисочка, ты, кажется, тоже на философском была?

- Видала я твою философию… Я биолог. Тычинки и пестики.

- Надо понимать, главным образом - тычинки… - с понимающим видом произносит Тарантул. - Ладно, все равно. Так что я хочу сказать, профессор? Слышал я вас намедни по телеку - и какая же вы сволочь! Сколько вам там заплатили эти гады - двадцать тысяч?

- Простите, - говорит Максим, уже несколько опьяневший. - Премия, строго говоря, не является платой…

- Бросьте, бросьте… Академик. Доктор. Знаете, почему я не бью вас по морде? Потому что пью на ваши деньги… Да, кстати, вы уже взошли или не взошли?

- Не понимаю, что вы мелете, - угрюмо произносит Максим и снова выпивает.- Ну как же… Ведьма, целительница… Так взошли?

- Идите вы в задницу, студент.

- Ага, не взошли. Смотрите, профессор! Ведьма ведь тоже женщина. И если как женщина она рассердится, то как ведьма…

- Погодите! Откуда вы знаете?

- Так это же я вам звонил. Помните?

Максим молчит, тупо глядя на свой стаканчик. Тарантул снова разливает. Затем говорит убежденно:

- Да, он - великий человек!

- Кто? - с ужасом спрашивает Максим.

- Да вам-то что? Вы его только слушайте, а то пропадете. А впрочем, пропадайте, черт с вами. Одним профессором больше, одним меньше… Выпьем!

Они выпивают. У столика возникает из дыма человек неопределенного возраста, облаченный в нелепый балахон с большими перламутровыми пуговицами.

- Тарантул, - произносит он стонущим голосом. - Ты пьешь, Тарантул, эрго ты при деньгах. Дай десятку. Без отдачи.

- Дам. А ты спой.

Человек в балахоне закидывает голову и поет:

Кими-га е-но

Хисасикарубэки

Тамэси-ни я

Ками-но иэкэму

Сумиеси-но мацу…

- Это гимн бывшей Японской империи, - сообщает он, закончив. - Могу еще “Хорст Вессель”, “Боже, царя храни…” Спеть?

- Не надо, - машет рукой Тарантул.

- Не надо, так не надо. А где десятка?

- Дайте ему десятку, профессор, - приказывает Тарантул.

Максим достает десятку и вручает человеку в балахоне.

- Реквизиция, - произносит тот и исчезает в дыму.

- Однако нас прервали, - говорит Тарантул. - Так как там насчет Танатоса? Отбросим страх смерти, как костыли? Смерть самое прекрасное приключение? Идеал - дух без материи? А когда приперло - к ведьме в постель? Нам бы хоть немного пожить, так?

- Оставь его, - морщится кисочка. - Ему и без тебя тошно.

- Молчать! - ревет Тарантул. - Ну-ка, профессор, извлеките еще десятку!

Максим безропотно извлекает десятку. Тарантул сует ее кисочке.

- На, и иди отсюда.

- Я хочу здесь…

- Иди, я тебе сказал! Купи жратвы! Ты со вчерашнего утра ничего не жрала, только спирт хлещешь, др-раная кошка… И вообще, даже порнография лучше, чем наша беседа с профессором, доктором, академиком, лауреатом… Пошла!

- Не желаю! Мне скучно одной!

- Скучно - подцепи кого-нибудь… Ну, кому сказано?

Кисочка плачет, поднимается и неверными шагами устремляется прочь.

- Сейчас мы снова выпьем, профессор, - произносит Тарантул, разливая по стаканчикам остатки спиртного из бутылки. - Но прежде чем выпить, профессор, и для того чтобы выпить, профессор, а может быть, и вместо того чтобы выпить, профессор, я должен сказать вам еще несколько слов. Иначе у меня будет тяжело на душе и я все-таки набью вам морду. Итак. Вы не паразит. Вы - новая порода. Лицемер, карьерист и так далее, это я не

ругаюсь, это я даю дефиниции. Не вы первый, не вы последний. А вот получать деньги, общественное положение, авторитет за чудовищную подмену - жизнь менять на смерть - это уже новенькое. А впрочем, этим занимались все религии. Вы только перенесли эту подмену с религиозной почвы на научную. Да ведь эти сволочи должны вам не то что лауреатство - памятник вам поставить! Золотой! С полудрагоценными камнями в глазных впадинах.

- Я не желаю разговаривать в таком тоне, - с пьяным достоинством объявляет Максим. - Вы ничего не понимаете, а туда же, беретесь осуждать…

Человек с бритым лицом снова гогочет, не просыпаясь.

- Вы мелете чепуху, - говорит Максим, и по лицу его текут слезы. - Философия - это нечто… А жизнь… Я, знаете ли, много, очень много передумал… и вот надо умирать… да еще мучиться, как будто я виноват… А она меня не хочет… а казалось бы, чего ей стоит? Но я упрошу… я не побоюсь никаких унижений, потому что жизнь, знаете ли…

- Надрался профессор, - с видимой симпатией объявляет Тарантул и выпивает.

Эпизод 6

Яркий солнечный день. По пригородному шоссе между двумя стенами начинающих зеленеть лесов мчит автобус. Следом на некотором расстоянии мчит роскошный “Мерседес”.

За рулем “Мерседеса” Максим. Он осунулся, под глазами темные пятна. Машиной он управляет мастерски и рассеянно, одной рукой на баранке. Глаза его прикованы к автобусу.

Автобус тормозит и останавливается. Из него выпрыгивает Марта - белый плащик, косыночка, большая сумка в руке. Мельком оглянувшись на “Мерседес”, она скрывается в лесу. Автобус трогается и уходит, а “Мерседес” останавливается там, где вышла Марта. Максим открывает дверцу и выходит. Смотрит на тропинку, уходящую в лесную чащу, делает по ней несколько шагов и вдруг останавливается как вкопанный, притиснув ладонь к левой стороне живота. На лице его выступает

испарина. Постояв немного, он идет дальше, держась за живот.

Он идет по тропинке, а лес вокруг тихий, молчаливый, и на ветвях деревьев распустились почки, а земля под ногами пружинит и не расползается в грязь, а в верхушках деревьев временами шелестит ветер.

И вот конец тропинки: заросший густым чертополохом и выцветшим бурьяном полуразрушенный дом. Максим обходит развалины, затем сквозь дверной проем заглядывает внутрь. Через сгнившие доски пола торчат блеклые стебли травы, по стенам выцветшие ободранные обои, над головой дырявая крыша. И никого.

И вдруг шорох. Максим оглядывается и видит в нескольких шагах от себя великолепную лисицу. Секунду они глядят друг на друга. Затем лисица неторопливо поворачивается и уходит в заросли. Видно, что к хвосту ее пристало несколько сухих репьев. Максим смотрит ей вслед.

Он идет через лес и вскоре выходит на поляну, почти круглое пространство, покрытое пожухлой травой, освещенное ярким солнцем, и посередине поляны стоит Марта и смотрит на него, улыбаясь. Он оглядывает ее… несколько сухих репьев пристало к поле ее белого плащика.

Затем он молча подходит к ней.

- Все-таки догнал, - говорит она.

- Догнал.

- А я сюда нарочно заехала. Загадала: если и сюда за мной проберется…

- Тогда что?

- Ничего.

Он снимает пальто, бросает на землю, садится и притягивает Марту к себе.

- Очень уж вы торопитесь, - говорит она, отворачивая лицо.

- Да я уже столько дней…

- Знаю. Когда ни выйду из дому, а он уже тут как тут и на меня таращится… Смешно, право. Я уж боялась, что соседи замечать станут…

- Поверьте, я не хотел вас обидеть. Но только в вас мое спасение. Да и то я все не решался.

Максим застывает и хватается за бок.

- Что с вами?

- То самое… - с трудом улыбаясь, произносит он. - Теперь все пройдет. Ведь верно? Пройдет?

Он обнимает ее за плечи и медленно опрокидывает на спину.

- Вы очень настойчивы, Максим…

- Да, да…

- Ты очень настойчивый, очень упрямый…

- Да, да…

- Я тебя съем сейчас, Максим…

- Прелесть моя, прелесть…

- Боже, как мне странно… Боже, как хорошо… Максим!

- Да, хорошо…

- Пусть так… и пусть так… и пусть так…

Эпизод 7

Кабинет Максима. За французским окном - зелень парка. Максим сидит на ковре перед камином и рассматривает рентгенограммы. Лицо у него счастливое и встревоженное. В кресле для посетителей у стола сидит Эрнст и исподлобья смотрит на него.

- Слушай, - произносит Максим и бросает рентгенограммы на ковер рядом с собой. - Я же в этом ничего не смыслю… Ты мне скажи по-человечески.

- Я даже не смею радоваться, - отзывается Эрнст. Он встает и, заложив руки за спину, идет по кабинету. - Просто не могу… Никогда не видел ничего подобного. Ведь не может же быть, чтобы я тогда ошибся.

- Значит, я здоров? - спрашивает Максим.

- Да, здоров. Как самый здоровенный бык-производитель. Никаких следов опухоли. Никаких следов метастазов. Что-то поистине поразительное. Если бы я не видел своими глазами…

- К черту твои глаза! Скажи по-человечески…

- Здоров, здоров! Великолепно здоров! Был обречен, а ныне здоров… Черт! Впрочем, были, конечно, прецеденты… Но это все не то.

Эрнст подходит к Максиму, наклоняется над ним, уперев руки в колени, пристально его рассматривает.

- Чепуха какая-то… - медленно произносит он. - Морда веселая. Глаза ясные, блестят. Дыхание чистое. Румянец во всю щеку. А тебе сейчас самое время валяться в постели и выть от болей… Хотел бы я знать, как ты это сделал… Не скажешь?

- Это ты доктор, ты должен мне сказать…

- Брось, брось, брось! Я уже давно заметил… Ты как-то лечился, суетился чего-то… Да и сейчас, стоит на твою физиономию посмотреть, на твою самодовольную, хитрую, счастливую рожу, совершенно ясно становится, что это не случайность, что ты на это рассчитывал… Что, нет?

- Это уж как тебе угодно…

Максим, без помощи рук, поднимается на ноги и отходит к французскому окну. Эрнст становится рядом, кладет руку ему на плечо.

- Ты должен мне об этом рассказать, - убеждающе говорит он негромко.

- Я допускаю, что ты можешь и не знать механики этого своего… ну, исцеления, что ли… Поэтому твой долг - описать день за днем, час за часом, что ты делал, как себя ощущал, что испытывал с того самого часа, как мы… как я тогда открыл тебе… помнишь? Что ел, как спал, с кем говорил, о чем и так далее. Может быть, нам удастся нащупать… Ты представляешь, что это может означать для человечества?

- Чихал я на твое человечество, - произносит Максим с большим чувством. - Ничем я не могу ему помочь. Если расскажу, все равно не поверишь…

- А ты все-таки попробуй.

- Нет. И пробовать не буду. Вам, дешевым позитивистам, такого не понять. Ничего я не буду описывать. Пусть всяк спасается сам, как может. Коемуждо по вере его, слыхал такое? Вот и весь секрет. Миром правит любовь. И судьбою тоже. В том числе и раковыми заболеваниями, как выяснилось.

- Что-то ты… Впрочем, направленные интенсивные эмоции… Ты имеешь в виду семью? Лизу, Петера?

Максим вдруг мрачнеет.

- Какая тебе, черт подери, разница? И вот что: хочешь водки с лимоном?

Эпизод 8

Комната Марты. По-прежнему чистенько, но уже не так опрятно.

На полу и на стульях небрежно брошены одежды: брюки, чулки, платье, пиджак, рубашка… На столе початые бутылки, тарелки с едой, раскрытая коробка конфет. А на кровати лежит Максим в трусах и майке, и рядом сидит, прижимаясь к нему, Марта в короткой ночной рубашке.

Марта рассказывает:

- …И вот обмеряю я ее ниже пояса, а она мне: “Не прикасайтесь, - говорит, - у вас пальцы холодные…” А я ей: “Как же, - говорю, - не прикасаться, обмерять и не прикасаться?”, а она ведь лавочница, лахудра,

пальцы ей, видишь ли, холодны, а давно ли луком на рынке торговала?.. Ты меня слушаешь?

- Слушаю.

- А чего улыбаешься? Лежит и улыбается… Ну, чего улыбаешься? Чего тебе весело?

Он берет ее за руку.

- Ты знаешь, как я тебе благодарен?

- Так ведь и есть за что!

- Есть, есть…

Максим тянется через край кровати, подбирает с пола пиджак и достает из внутреннего кармана кубическую коробочку. Раскрывает ее и протягивает Марте. Там в лиловом бархатном гнезде сияет ослепительным камнем тонкое золотое кольцо.

- Ох! - произносит Марта, принимая подарок. - Неужели это мне?

- Тебе.

- Да что ты?

- Тебе, тебе. На память с благодарностью.

Марта достает кольцо, надевает на палец и любуется.

- Красота какая… Сроду у меня такой красоты не было. И дорогое, поди… Сколько стоит?

Максим привлекает ее к себе и крепко целует.

- Ты в миллион раз больше стоишь. Ты стоишь жизни моей. За такой подарок мне никогда не отдариться.

Марта нетерпеливо освобождается из его рук.

- Ну, это уж не надо. Так только в кинофильмах да в романах разговаривают. Жизни его я стою… Подумаешь, пожалела мужика, так он до сих пор слюни пускает…

- Так просто пожалела, и все?

- Нет, конечно, и мне много радости от тебя было, я же не скрываю… Что же мне - тоже тебе что-нибудь подарить за это?

- Фу, Марта! Что ты такое говоришь?

- То-то и оно. Ты же просто землю рогами рыл. Даже страшно было. А в лесу как на меня накинулся? Помнишь? Ничего ты не помнишь.

Я уж думала - конец мне, раздавит, сожжет…

Она счастливо смеется.

- И ведь смотри… - продолжает она, отсмеявшись, не замечая, каким отчаянным и страшным взглядом он смотрит на нее. - Я и думать не могла никогда, что со мною такое может быть. Я ведь не девочка, да и тебе за пятьдесят… Ах, Максим, так хорошо было, так хорошо!

Максим садится и опускает голые ноги на пол.

- Было… - горько произносит он. - Почему же было?

- Да потому что… было! Не век же нам миловаться? Побаловались, порадовали друг друга, пора и расходиться. Я как раз нынче хотела тебе сказать: я уезжаю. Тетка у меня старенькая в Заречье, совсем на ладан дышит, меня зовет… Да ты не огорчайся, неужели мало тебе было?

Пауза. Затем Максим тяжело произносит, глядя под ноги:

- Да, понимаю. Что ж, ты права, наверное. Ты ведь ведьма, целительница… Сделала свое дело, спасла человека… Можно и расходиться.

Марта изумленно смотрит на него, затем растерянно обводит взглядом комнату, снова смотрит на него.

- Постой, постой… Кто я?

- Ведьма… Целительница…

- Что-то я тебя не пойму никак. Какая я ведьма? Я портниха, а не ведьма…

Максим кричит:

- Ты меня исцелила! Притворяешься, что ли? Я же смертельно болен был, а ты меня исцелила!

Марта встает.

- Ну, знаешь ли… Исцелила… Ну и славно. Не понимаю я твоих заумных речей. Здоров теперь?

- Да, здоров!

- Вот и славно. Вина выпьешь?

- Да погоди ты со своей выпивкой! Слушай… Иди сюда… - Он хватает Марту за руку и сажает к себе на колени. - Марта, Марта, родная ведьма моя, ты меня можешь выслушать?

- Могу. Только не тискай меня так, у меня синяки от тебя на боках… Ну, пусти.

Она освобождается от его объятий и пересаживается на стул. Максим некоторое время молчит, собираясь с мыслями.

- Не буду настаивать. Может быть, тебе запрещено об этом… Не мне у тебя домогаться… Но за себя-то я говорить могу, не правда ли? Так вот: после того… после нашего лесного чуда я стал другим человеком. Честно скажу: от отчаяния тебя преследовал, от ужаса перед мучительной смертью, таким я с тобою лег, встал человеком, которому нет никого дороже тебя…

Он грохается перед ней на пол голыми коленями.

- Я тебя люблю. Марта. Я жить без тебя не могу. Можно, я всегда буду с тобой?

Она с любопытством и отчуждением смотрит на него. Глядит на кольцо на пальце. Снимает кольцо и бросает перед ним.

- Тра-та-та! - произносит она. - А еще профессор. А еще философ! Встань, коленки запачкаешь… хотя я только утром полы мыла… Ну сам подумай: чего мелешь? Семейный человек, жена, ребенок… Сам же говоришь, что завалил меня от отчаяния, потянуло, значит, попастись на лужок, ну что ж, это бывает. И хватит. Все в порядке, ты сыт, и я сыта. Забирай свое колечко и иди. Следующей весной, если опять невтерпеж будет, приезжай ко мне в Заречье, не прогоню. Сама знаю: весной щепка на щепку лезет… А то ведьма, исцеление, надо же придумать, чтобы перед собой оправдаться…

Она берет платье и выходит из комнаты. Максим стоит на коленях и смотрит на кольцо на полу. Затем тяжело поднимается и начинает одеваться.

Эпизод 9

Кабинет Максима. Вечер. За французским окном мрак и проливной дождь. Максим сидит за столом, бессмысленно разглядывая собственные пальцы. Рядом стынет чашка с кофе. Из глубины дома доносятся фортепьянные гаммы - видимо, Петер занимается музыкой. И однообразный плеск падающего дождя за окном.

Слышится резкий звонок. Быстрые легкие шаги Лизы. Щелкает дверной замок. Голоса Лизы и Оскара:

- Добрый вечер. Я к профессору.

- Добрый вечер. Минутку, я сейчас…

- Не извольте беспокоиться. Профессор меня ждет.

- Ах, вот как… Прошу вас, раздевайтесь…

- Нет-нет, я на минутку…

- Как вам угодно… Сюда, пожалуйста.

Максим поднимается из-за стола, и тут в кабинет входит боком

Оскар в своеобычном мокром берете, в мокром плаще, в мокрых брюках и мокрых ботинках, с мокрым набитым портфелем в руке. Максим идет к нему с протянутой рукой.

- Рад, искренне, рад…

Оскар от рукопожатия уклоняется.

- Простите, весь мокрый…

- Прошу, садитесь…

- Ну, сегодня уж я вам, так и быть, наслежу, - заявляет Оскар и садится в кресло для посетителей.

Максим садится напротив.

- Здоровы? - осведомляется Оскар.

- Здоров. Могу показать рентгеновские снимки…

- Покажите…

Максим извлекает из стола желтый конверт, протягивает Оскару. Тот вынимает из конверта один из снимков, внимательно смотрит на просвет.

- Да. Вполне здоровая печень.

Максим приглядывается к снимку.

- Это у вас не печень. Это легкое.

- Ну, тем более.

Оскар вкладывает снимок обратно в конверт и возвращает Максиму.

- Я рад. Итак?

- Полагаю, вы явились…

- Да-да, за своим фунтом мяса. Как проклятый Шейлок.

Максим, усмехнувшись, достает из стола половинку банковского билета. Оскар достает из-за пазухи вторую половинку, катушку скотча и ножницы. Соединяет на столе половинки, склеивает скотчем и обрезает ленту. Затем перебрасывает банкноту Максиму.

- Держите.

Максим с изумлением глядит на него.

- Но это же, так сказать… ваш гонорар…

- А! - Оскар легкомысленно машет рукой. - Где наше не пропадало… “Зачем мне деньги? Сегодня утром у меня опять шла кровь из горла”. Впрочем, я это уже вам цитировал…

Он сваливает портфель с колен на пол и идет вдоль полок, рассматривая книги. Максим, крутя в пальцах купюру, с жадным любопытством следит за ним.

- Гм… - произносит Оскар. - Гм… Ага… “Танатосоидные рефлексы у высших млекопитающих”, М. Акромис. Так. “Флюктуации эвиденций после клинической смерти”. Он же. “Объективные основания танатосной рефлексологии”. Опять он… - Оскар поворачивается к Максиму. - Ума не приложу, как это я мог уживаться с вами в одной вселенной. Понимаете, выйдешь утром из дому… я иногда просыпаюсь по утрам… Солнце сияет, зелень, воды, синева небесная и все такое в этом роде, и вдруг вспомнишь о вас…

Он гадливо сморщивается и оглядывает подошвы ботинок, словно наступил на что-то неудобосказуемое.

- А вы не обижаетесь? - осведомляется вдруг он.

- Нет.

- Совсем не обижаетесь?

- Нисколько.

- Нет, все-таки я не буду дальше. А вы дайте слово.

- Даю.

- Обещаете?

- Обещаю и клянусь.

Оскар возвращается в кресло, глядит на Максима.

- Хорошая штука - жизнь, - говорит он. - Куда до нее смерти. Верно? Ну а как вам ведьма?

- Не надо, - просит Максим.

- Ну, не надо так не надо. Собственно, у меня все. Я действительно могу надеяться?

- Конечно, - твердо произносит Максим. - Я больше никогда!

- Правильно. Ну какие из нас с вами философы? Мы с вами люди простые. Не Гегели, не Канты, не Марксы… Нас ведь только нанимать можно. А это грязно. И для здоровья вредно.

Оскар встает, поднимает портфель и выходит из кабинета.

Максим подходит к книжным полкам. Берет одну из книг, рассеянно листает, роняет на ковер. Берет другую.

Тихий стук в стекло. Максим живо оборачивается и видит: снаружи к залитому дождем окну прижалось лицо Марты. Он подбегает к окну, распахивает створку. Марта стоит перед ним мокрая, жалкая, съежившаяся. Он молча обхватывает ее за плечи и прижимает к себе.

Тесно прижавшись друг к другу, они бредут под проливным дождем между черными мокрыми стволами деревьев, подходят к изгороди и, помогая друг другу, перелезают через нее. И скрываются за пеленой ночного дождя.

Москва, 23 марта 1981 года